

## Данило Староильевич

У ласкова князя у Владимира  
Кабы было пированье-столованье  
А на руських на могущих на богатырей,  
А на злых палениц да преюдалых,  
А на тих на хресьян да православных,  
А на тих на бояр на толстобрюхий;  
А как пир-от идёт у их полупира,  
А как стол-от идёт у их полустола,  
Кабы день-от идёт у их ко вечеру,  
А бы солнышко катитсе ко западу;  
Кабы все-де сидят да на чесном пиру,  
Кабы все-де сидят да пьяны-веселы,  
Кабы все-де сидят да веселёшиньки,  
Кабы солнышко батюшко ' полухмеля,  
Как полу-де-хмеля стал, полуразума,  
А по светлой гриньке стал похаживать,  
А ясныма-то оцями стал поваживать,  
Тихо-смирную речь стал выговаривать:  
«Вы ведь 'се сидите у меня на чесном пиру,  
Вы ведь 'се сидите да пьяны-веселы,  
Кабы все сидите да веселёшиньки,  
А бы все сидите у меня поженены,  
А за всех за вас красны девушки повыданы,  
Я един-то ле, князь, из вас холост хожу,  
Я холост-де хожу, как не жонат живу.  
Кабы хто же из вас мне знат супружницу,  
Кабы хто же из вас мне знат полюбовницу,  
А статным бы статну, возрастом полну,  
Возрастом бы полну, кабы личом белу,  
А личом бы белу, кабы волосом русу,  
Кабы сквозь-де рубашку тело видетче,  
Кабы всяки-ти суставы чоловечески».  
Да из их-де, из их, удалых молодцов,  
А ставаёт удалой доброй молодеч,  
А ставаёт-де он да на резвы ноги,

Говорит-то ле сам да таково слово:  
«Ты позволь-ко-се, солнышко Владимир-князь!  
Ты позволь-ко ле мне да слово вымолвить,  
Не позволь меня сказнить, скоро повесити».  
Говорит-то ле солнышко Владимир-князь:  
«Говори-ко, молодец, да не юпадывай,  
Не единого словечка не ютаивай». —  
«Я ведь знаю тебе нынче супружницу,  
Я ведь знаю тебе нынче полюбовницу:  
Кабы есь ле Данилка молода жона,  
Как статным она статна, ище возрастом полна,  
Возрастом она полна, кабы личом бела,  
Кабы сквозь ей рубашку тело видетче,  
Как из кости ле в кость мозг переливайтче,  
Ак скачен-де жомчуг перекатайтсе,  
А ведь та ле тебе нын супружнича,  
А как та же тебе да полюбовнича».  
Говорит-то ле солнышко Владимир-князь:  
«А можно́ ле у жива мужа жону отнеть?»  
Говорит-то Визя да сын Лазурьевич:  
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!  
Созавем-ко мы Данилка да на почесен пир,  
Под порогом ты ле стреть да чарой винной,  
Ты подашь же ему да чару винную,  
Ты за чарой ему да слово вымолви:  
„У меня всем-то молодцам служба явлена,  
А тебе-де, Данилушко, надмечена:  
Тибѣ съездить-сходить да за синѣ морѣ,  
Там за славны-ти Буяны, да славны острова,  
Там по дика-та зверища, там по вопрыща,  
Привести-то ка' его ище не ранена,  
А не ранена привести да некроавлена“.  
Как оттуль ли там Данилку не приехати,  
Уведѣм мы тогда его молоду жону».  
Посылает тут нын князь да за Данилушком  
А того-де Визю сына Лазурьева.  
Как походит тут Визя да по Данилушка,  
А походит-де он да скоро-наскоро,  
Как зовѣт-де Данилка на почесен пир.

Говорит ему Данилка, как ответ доржит:

«Впереди меня-де не звал на почесен пир,

Дле цего меня завет ищо после пиру?

Не худо ле в уми да ище думаёт?»

Говорит ему ведь нынче да молода жона:

«Ты не ходи-ко-ся, Данилушко, на почесен пир,

Не на добро тебя зовут ведь на остáточках!»

Говорит тут Визя да сын Лазурьевич:

«А не велел тебя оставлять да ище солнышко».

Как тут стал тут Данилушко сряжатися,

Как тут стал тут Данилушко сподоблетисе,

Унимат его, Данилка, молода жона,

Унимат его, Данилка, крепко-накрепко.

Как не послушал Данилко молодую жону,

А сряжаитце Данилко, сподобляитце,

Поезжат-де Данилко на добром кони,

А поехал Данилко на почесен пир.

Приеждят ко князю ко Владимиру,

А слезыват-де Данилко со добра коня,

А привязыват Данилко к дубову столбу,

А привязыват Данилко ко медну кольчу,

А заходит во гринюшки во столовыи,

А как молитча Богу, Господу Богу.

Как стречаёт его князь да с чесью, с радосью,

Как подтаскиват чару зелена вина,

Подают ему цяру зелена вина,

Как оговариватця Данилко Староильич блад:

«У кого эта цяра нынь в руках, право,

У кого-де в руках, да нынь тому в устах».

Как на то ли-де князь да был лукав-вилав,

Отвечает-де князь да таково слово:

«А тебе эта цяра ноньце следует».

Как берёт тогда Данилко цяру винную,

А как пьет-то ле ей да к едину духу,

Говорит-то ле князь да таково слово:

«У мян всем-то молодцам служба явлена,

А тебе же, Данилушко, надмечена:

Кабы съездить там, сходить да на Буян-остров,

А по дика там зверища ище попрыща,

Привести тебе зверя нынь не ранена,  
А не ранена привести, некровавлена».  
Как оттуль-де Данилко поворот даёт,  
А пошёл-де Данилко вон на уличу,  
А отвязыват своего коня доброго,  
А садитця на своего коня доброго,  
Он поехал ' своему нову терему,  
А как едёт по дорожке прямоеждеей,  
Как повеся-то доржит да буйну голову,  
Потупя-де доржит да очи ясныя.  
А сидит его ныньце да молода жона,  
Как сидит она в окошечки косявчатом,  
А увидела-де, едет к ней Данилушко —  
А выскакивала на крылечушко косявцято,  
А стрецять-де Данилка Староильевича,  
А сама-де ему да слово молвила:  
«Оже ой еси, Данилушко Староильич блад!  
Уже што же ты едёшь не по-старому,  
Оже што же ты едёшь не по-прежному,  
Повеся-де доржишь да буйну голову,  
Потупя-де доржишь да оци ясныя,  
Але место тебе было не по разуму,  
Але цяры тебе да не доходили?»  
Отвечат тут Данилко Староильич блад:  
«Ох ты ой еси, моя да молода жона!  
Миня звал-де ле князь да на почесен пир,  
Под порогом меня встретили царой винной,  
А как молвили мне слово тяжёлое,  
А накинули мне служебку немалую:  
Мне ведь съездить-сходить да на Буян-остров,  
Да по дика там зверища, там по вопрыща,  
Привести его велят мне-ка не ранена,  
А не ранена велят, да некровавлена,  
Как оттуль-то мне живому не приехати».  
Говорит-то ему да молода жона:  
«Ты не слушаешь меня, ище молоду жону,  
Ты гледишь на Визю да на Лазурьева».  
Как ведь стал тут Данилушко срежатися,  
Как ведь стал тут Данилушко сподоблетисе,

Научат его нынь, Данилка, молода жона:  
«Ты поедешь ле нынь да на Буян-остров,  
Ты возьми-ко ' сабой ныньце шёлков аркан,  
Ты возьми-ко с собой да пудовой молот,  
Ты возми-ко с сабой песька́ бесхвостого,  
Ты возми-ко ' сабой суцьку тарявую.  
Ты попадѣшь, бывает, да на Буян-остров,  
Ты поедѣшь по острову великому,  
Ты увидишь, стоит да зверя вопрыща,  
Ты спусти наперѣд песика бесхвостого,  
Ты затем же спусти суцьку тарявую,  
А как пѣсик его станет кругом обскакивать,  
Как ведь суцька-то станѣт его облаивать,  
Как на то-де ле зверь да тут ослышитсе,  
Тут направь-ко-де нынь да свой шёлков аркан,  
Подъеждяй к ему нынь да ты скорешинько,  
Ты накиывай его своим арканом же,  
Ты захватывай за шею лошадиную,  
Ты гони-ко-де тут да по чисту полю,  
Ты ведь хлопай ему молотом ведь мез ушей —  
Обуцитьце тогды зверь, да он смирѣн будет,  
Ты веди-де тогды его домой, право».  
Как поехал тут Данилко ' свою сторону,  
Как повѣл де ' сабой да зверя вопрыща,  
Как ведь едѣт по дорожке прямоезжжеей,  
Как едѣт, как гледит да по дорожецке,  
А как видит: на дороги стоит за́става,  
Как стоят-де ле, видит, тридцеть три молодца,  
Кабы взято с сабой у его тридцеть две стрелоцьки,  
Он кладет эти стрелоцьки ноньце в тугой лук,  
Он спускает эти стрелоцьки в этих молодцов,  
Он убил ведь всех тридцеть два молодца,  
А остался Визя из их-де молодец,  
Он на уход-де пошѣл, от его ушѣл,  
Он запряталса край дорожки прямоезжжеей.  
Он-де едѣт, Данилко, не опасайтце —  
Он выскакиват, удалой доброй молодец,  
Он спускает ему стрелой ище каленоей,  
Он спускает ищо ему да в буйну голову —

Как ведь тут же Данилку да смерть случилось.  
Обират Визя его ище добра коня,  
Он поводит его со зверём вопрыщем,  
Приежжат он ко князю ко Владимиру,  
Как ведь спрашивают у его ноньце Владимир-князь:  
«Ты откуль ле, Визя, взял нынцѣ коня его,  
Ты откуль-де ты взял да зверя вопрыща?» —  
«Я увидел, я, стоит да ищѣ доброй конь,  
На дороге стоит да прямоежжеей,  
Он стоит-де со зверем со всем, с вопрыщом,  
Как ведь нету тут Данилка у его, право».  
Посылат тут ведь князь да за Авдотьей нынь,  
Посылат-то за Авдотьей дочь Микулисной.  
Как походит-то Визя да сын Лазурьевич,  
Как пришел-де Визя да к его молодой жоны:  
«А зовѣт-де тебя нынцѣ Владимир-князь».  
Отвечат ему Авдотья доць Микулисна:  
«Ох ты, ох есь ты вор же, Визя да ты Лазурьевич!  
Погубил-де ты нынцѣ Данилушка,  
Погубил зачем ищѣ тридцать два молодца?  
У вас не то ведь в уми да было думано.  
Мы сходились когды да мы с Данилушкой,  
Мы сходились когды со Староильичом,  
А больша-де у нас заповедь клажона:  
А которой-де помрѣт, дак тут другой лягѣт».  
Как надевала платьѣ она худящее,  
А хватала себе в руки копейчо как,  
Побежала по дорожке прямоежжоей,  
Добежала до Данилка Староильича,  
Как ведь ткнула тупым кончѣм в сыру землю,  
Говорила она да таково слово:  
«Не достанься я вам ищѣ нынь куркати».  
Как ведь пала она грудью на востро копьѣ —  
Как ведь тут ей ищѣ да смерть случилосе.  
Как оттуль-де Визя нынцѣ пошѣл ищѣ,  
Как пошѣл он ко князю ко Владимиру,  
Как пришѣл он ко князю ко Владимиру,  
Как ведь стал его спрашивать Владимир-князь:  
«Ты пошто не привѣл Данилкову молоду жону?» —

«Она убежала по дорожке прямоежкой,  
Как нашла-де Данилка Староильича,  
А как ткнула тупым кончём в сыру землю,  
А как пала ведь грудью на востро копье».  
Говорит-то тут солнышко Владимир-князь:  
«Ох ты ой еси, Визя да сын Лазурьевич!  
Погубил ты у меня тридцать два молодца,  
Погубил ты у меня ищэ Данилка же,  
Погубил ты его да молоду жону!»  
Приказал-де сделать релю высокую,  
Как повесить Визю сына Лазурьева,  
Как расстрелил его да груди белыя.

*(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Рочева Егора Ивановича, 61 г.)*

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.